

ОПЫТ РАЗЛИЧЕНИЯ ДВОЙСТВЕННЫХ НАЧАЛ В ТЕОРИИ ХОЗЯЙСТВА

В.В.Попков, А.Н.Батурин
(Международный Институт
Александра Богданова,
Екатеринбург)

I. Появление двойственности

«Что есть общество, - задается вопросом Никлас Луман, один из ведущих современных социологов-теоретиков, - это то, что оно есть, или то, что оно не есть?». – Вот так и не меньше! Сегодня, когда «эффекты целостности» повсюду выходят на первый план, исследователь должен быть готов к вопросам такого калибра. И простые ответы уже не принимаются – все они остались в прошлом тысячелетии.

Где же искать ответ?

Первая версия ответа на вопрос Лумана «есть или не есть?» вырастает из оппозиции «сущее – должное». В самом деле, что является определяющим в обществе - экономика или политика, право или мораль, и т.д. и т.п. С тех пор как Сократ обнаружил, что моральные реалии образуют в обществе автономную сферу, несводимую к сфере фактов, подобные дилеммы вновь и вновь встают перед обществоведами.

Речь может также идти об оппозиции «внутреннее – внешнее». Луман известен как автор одной из самых оригинальных версий системного подхода в социологии [1]. В логике исследования систем он, в частности, опирается на так называемое «исчисление форм» Дж. Спенсера Брауна [2].

Система, по версии Спенсера Брауна, является формой различения, то есть имеет две стороны: систему (как внутреннюю сторону формы) и окружающую среду (как внешнюю сторону формы). Лишь обе стороны производят различение, производят форму, производят понятие. Таким образом, окружающая среда является для этой формы столь же важной, столь же необходимой, как и сама система. Форма в качестве различения является закрытой. У Спенсера Брауна это называется: «Distinction is perfekt continence»¹. Это означает, что все, что можно описать и наблюдать с помощью этого различения, относится либо к системе, либо к окружающей среде. Уже здесь обращает на себя внимание нечто необычное. Относится ли единство системы к системе или к окружающей среде? Где находится граница формы? То, что разделяет обе стороны формы — граница между системой и окружающей средой, — обозначает единство формы и именно поэтому не может быть отнесена ни к одной, ни к другой стороне. Граница существует лишь как указание пересечь ее — будь то изнутри вовне, будь то извне вовнутрь.

Системы - это некоторое стабилизированное различение внутреннего и внешнего, но системы не «сущности», не иерархии, и не «целое, которое больше своих частей». Поэтому у них нет основной цели, которая в откровенно организмических и холистских концепциях понимается как поддержание существования системы.

Так, что же есть экономика, вслед за Луманом, теперь можем спросить и мы, - это то, что она есть, или то, что она не есть? И этот вопрос вовсе не надуманный: здесь до сих пор еще очень много путаницы. Так, например, экономика явно включает в себя правовую составляющую, причем многие убеждены, что именно право является определяющим в этой сфере. Достаточно, мол, принять хорошие законы и экономика будет в полном порядке. Другой пример: вмешательство политики в экономику никак не вписывается в тексты экономических теорий, но это происходит сплошь и рядом.

¹ Различение является совершенно достаточным (англ.).

Привычные догмы экономической теории сегодня вообще не в почете. Даниэль Канеман и Вернон Смит [3] поставили под сомнение принятый в экономической науке тезис о рациональном принятии экономических решений - по крайней мере, в определенных ситуациях и получили за свои исследования в 2002 году Нобелевскую премию. И таких примеров все больше. Нарастание понятийного хаоса говорит о том, что экономическая теория готова к серьезным сдвигам, а может быть и к смене парадигмы.

В такие периоды важно призвать на помощь опыт других дисциплин, которые в той или иной мере уже пережили подобную реорганизацию. Речь может идти о математике, логике и отчасти физике. Современная математика, например, трактует оппозицию «внутреннее - внешнее» как двойственно-сопряженные структуры. Более того, при внимательном рассмотрении окажется, что такую же двойственно-сопряженную природу имеет и почтенная философская пара «должное - сущее».

Во многих областях современной науки (математике, физике, логике) метод выявления двойственно-сопряженных структур - это вполне признанный, даже дежурный метод исследования, доказавший свою фундаментальность, эффективность и перспективность. Да и в экономической теории понятие «двойственность» используется весьма активно, - за свои «двойственные переменные», «объективно обусловленные оценки» советский экономист и математик Л.Канторович [4] был удостоен в 1975 году Нобелевской премии по экономике (вместе с американцем Купмансом). Однако, утверждать, что двойственность как метод теоретического анализа и синтеза экономистами вполне осознан и освоено, было бы преждевременно.

Поэтому перед тем, как обсуждать логические основания современной экономической теории, есть смысл предварительно обратиться к опыту математики и физики, - предмет их не столь сложен, они менее идеологизированы, и поэтому яснее демонстрируют некоторые важные моменты.

II. Двойственно-сопряженные начала

Исследователь всегда имеет дело с тем или иным видом изменения (движения, становления, перехода, действия, если речь идет об экономике). Изменение само по себе текуче и непонятно. Чтобы его зафиксировать и понять, исследователь, как правило, выделяет в нем два начала: «масса» и «сила», «поток» и «напряжение» и т.п. И все дальнейшее исследование представляет собой последовательное многостороннее сопряжение этих двух начал. Разумеется, в каждой предметной области эти начала имеют вполне конкретное обличие, и их выделение - весьма трудная и отнюдь не формальная задача.

Можно воспользоваться характерными признаками "правильного" разделения двойственных начал. Во-первых, эти начала должны быть не просто разными, а абсолютно разными, не сводимыми друг к другу, они не должны иметь друг с другом ничего общего, нигде не пересекаться, лежать, как говорят математики в разных пространствах. Кроме того, если одно начало, так или иначе, родственно силе, напряжению, запасенной (потенциальной) энергии, - это род "неподвижного двигателя" (Аристотель); то второе начало родственно массе, инертности, инерционной (кинетической) энергии, неподатливой данности.

Обратимся, для примера, к теоретической механике. Там сосуществуют два равноправных способа описания механических систем: силовой (потенциальный) и инерционный (кинетический или потоковый). Первый способ описывает движение механической системы, как движение к равновесию, к минимуму потенциальной энергии. Движение с этой точки зрения есть не что иное, как распространение напряжений, сил, преодолевающих инерционность материала системы. Распределение инерционных масс в этом описании выступает как фиксированное ограничение, не входящее в число переменных.

А второй способ описывает движение механической системы как чисто инерционное движение по «наипрямшей» траектории, какую только допускают связи между частями системы, искривляющие это движение. Здесь напряженные связи играют в свою очередь роль заданного ограничения, налагаемого на траекторию чисто инерционного движения. Именно так представил механическую систему Г.Герц в своей знаменитой "механике без сил"[5].

Интересно, что расщепление исходной эмпирической задачи на эти две теоретические модели (инерционную и силовую) - не просто умозрительная операция. Любая система в реальной жизни движется попеременно то в инерционном режиме ("по инерции"), то в силовом режиме, когда ею начинают управлять накопленные напряжения. Примером может служить маятник или любой другой колебательный процесс.

Кстати именно колебательное движение (а это самый общий тип движения) демонстрирует фундаментальную и очень важную закономерность: система не может двигаться в двух режимах одновременно, она не может одновременно решать обе двойственно-сопряженные задачи.²

В математической экономике аналогичная коллизия встречается в линейном программировании. В этом методе, как известно, в отношении хозяйственного поведения сформулированы две задачи: первая состоит в том, чтобы максимизировать объем решаемых проблем при фиксированных ограничениях на ресурсы; и вторая задача - минимизации затрат ресурсов на решение фиксированного набора проблем. Здесь то же самое - если хозяйственная система настроена на первую задачу, то ресурсные переменные отходят на второй план в разряд фиксированных ограничений. И наоборот. Нельзя одновременно играть в две, не сводимые друг к другу игры.³

К несчастью, сами теоретики делают порой из этого слишком радикальные выводы: пытаются сделать исключительную ставку на одну из двух сопряженных моделей и начинают последовательно дискредитировать другую.

История науки знает немало примеров разделения и параллельного становления двух подобных моделей. Склонность построить монистическую модель, вычеркнуть из списка переменных одно из двух начал всегда очень силен среди теоретиков, стремящихся к логической, рациональной замкнутости своей теории. Сосредотачиваясь на одном из двух пространств описания (например, на механизмах свободного рынка), теоретик наводит в нем доступный на данный момент порядок, полноту, изгоняет из него «иррациональные» вкрапления противоположного начала (либеральный экономист, например, старается свести к нулю роль регуляторов). В свою очередь теоретики противоположной школы, принимая вызов, наводят аксиоматическую чистоту во втором пространстве переменных и создают свою теорию (скажем, теорию институциональной экономики). Другой пример - трудовая теория стоимости и теория полезности.

Заметим, что такая радикальная рационализация не проходит даром, создание монистической теории заведомо сопряжено с определенным насилием над исследуемым движением, ведь каждая такая теория получается путем фиксации противоположного начала, исключения его из числа переменных, а это всегда - остановка в развитии теории (да и в практике тоже). В результате такой операции теория приобретает "аксиоматическую чистоту", но теряет в практической эффективности.

Собственно же теоретический результат этого соревнования таков: постепенно складываются две равносильные теории, имеющие дело с абсолютно разными сущностями ("рынок" и "институты"), но сквозь них все явственней просвечивает одна и та

² Впрочем, послевоенная экономическая история дала некую надежду, что развитая экономика способна двигаться без циклических потрясений, что выраженная цикличность осталась в прошлом. Однако может ли современная экономическая теория очертить полный круг необходимых и достаточных условий такого бескризисного движения? Не вполне, например, ясно, способна ли вообще к такому движению глобальная экономика, лишенная равномогущего второго полюса.

³ Так, советская наука, рассуждая о соотношении плановой и рыночной экономики, говорила о системе, в которой "плана сколько возможно, а рынка сколько необходимо" и противоположной ей системе, в которой "рынка сколько возможно, и плана сколько необходимо".

же картина реального движения. Это напоминает «две стороны одной медали»: на одной стороне изображение выпуклое, на другой – вогнутое, а между ними непроработанный еще «иррациональный» материал медали. И если два мастера, которые стараются довести до совершенства каждый свою сторону, забудут об их сопряженности, то вместо совершенной медали, такой, что «ни отнять, ни прибавить», они рискуют получить дырку от бублика.

III. Ресурсы и проблемы

Обратимся к современной теории хозяйства, в ее основе, как и в основе всей современной социологии, лежит теория социального действия Макса Вебера [6], который, как известно, выделял в действии два начала: средства и цели. Казалось бы, эта пара отвечает требованиям, предъявляемым к двойственным началам. Однако, у понятия «цель» довольно быстро обнаружился серьезный дефект: оно с трудом поддается рационализации.

В чужую душу, как говорится, не заглянешь. Как не трудилась американская школа социологии над рациональным обоснованием «ценностных порядков», ей так и не удалось обойтись без редукции к архаике, к традиционно-аффективной заданности этих порядков. Это особенно досадно, если принять в внимание, что в сопряженной сфере, в пространстве «средств» в этом смысле все в полном порядке. В самом деле, сфера «средств», ресурсов естественным образом порождает такие мощные формы рационализации, как деньги, цены и прочее.

На наш взгляд, разумнее было бы говорить не о целях, а о проблемах.

Пространство Проблем - вот та упрямая реальность, с которой имеет дело каждый человек и общество в целом. Это понятие родственно понятию потребность, прописанному в теории хозяйства. Это понятие, заметим, имеет характер силы, напряжения, это - "неподвижный двигатель" социального действия. Проблемы можно осознавать или неосознанно страдать от них, можно самоопределяться относительно круга проблем, сравнивать их и брать какую-то из них в качестве личной цели. Напряжение личной цели есть, таким образом, напряжение вторичное, заемное.

Дуально-сопряженную с пространством проблем реальность представляет пространство Ресурсов.

Посмотрим теперь как из этой пары (Проблемы – Ресурсы) можно развернуть основные понятия теоретической экономики: действие, собственность, долг, право, мораль, ценность, обмен, договор, власть.

Например, действие - индивидуальное или совместное (социальное) – есть, собственно, акт сведения ресурсов и проблем, которые до этого были разведены. Действие производит перемены, как в пространстве ресурсов, так и в пространстве проблем. Оно трактуется как: 1) преобразователь ресурсов в новые ресурсы (продукты); 2) (о чем обычно забывают), как преобразователь проблем в новые проблемы.

В самом деле, действие, мотивированное какой-либо проблемой, само порождает проблемы, которые можно сравнивать с исходной проблемой и судить о чисто проблемной рациональности действия. Например, из последних сил торопясь успеть на поезд, человек рискует получить инфаркт. Он должен сопоставить сумму проблем, связанную с опозданием на поезд, и сумму проблем, связанную с инфарктом, чтобы решить, стоит ли продолжать гонку.

Действие социальное - это действие, скоординированное с действием соседа. Необходимость такой координации возникает всякий раз, когда ресурсы, к которым индивид имеет правомерный доступ, "имеет право" на них, то есть его Собственность, не соответствуют проблемам, которые он обязан решить, то есть его Долгу. Тогда возникает необходимость предварительного перераспределения проблем и (или) ресурсов между индивидами, оказавшимися в сходном положении.

IV. Обмен

Начнем с перераспределении ресурсов. Они передаются из рук в руки в акте обмена. Как известно, основной количественной характеристикой обмена является меновая пропорция. Классический вопрос: что лежит в основании меновой пропорции?

Спору нет, проблемное состояние обменивающихся, несомненно, влияет на меновую пропорцию, - у голодного человека за кусок хлеба можно выменять больше, чем у сытого. И, тем не менее, не проблемы являются определяющими для менового акта, - проблемы в нем присутствуют в ранге ограничений. Это утверждение не очевидно с точки зрения обыденного сознания, живо представившего себе единичный акт обмена. В самом деле, разве не потребность в данном товаре толкнула меня к обмену? Однако если проанализировать "потребность, толкнувшую к обмену", то обнаружится, что собственно стремление к конечному потреблению в ее состав входит лишь в последнюю очередь, обнаружится, что вы как рачительный, "рациональный" хозяин, прежде всего, имели в виду употребить этот товар прибыльно.

В простом единичном обмене эти акценты в самом деле не проявлены, но в развитом товарно-денежном обращении проблемный фактор элиминируется. Для индивида, как рационального участника обмена, его проблемы, сводятся, в конечном счете, к одной единственной проблеме - как избежать разорения. Поэтому рациональный обмен имеет в виду, прежде всего возможность дальнейших обменов (самого этого ресурса или продукта, в который он может быть преобразован), а не безрассудное прерывание этого процесса ради каких-то самоценных целей.

Это важное замечание, ибо современные экономические теории представляют обмен как комплексный, исчерпывающий акт, в котором одновременно и на равных соизмеряются и стоимости товаров, и напряженности потребностей. И кажется излишней логическая щепетильность Маркса, когда он упорно отвергал трактовки меновой пропорции, порой весьма правдоподобные, предлагаемые, например, теорией "предельной полезности" и т.п. Вслед за Гегелем он просчитывал теорию на несколько логических шагов вперед и несколько логических этажей вверх. И сегодня после столетнего господства "одноэтажных" экономических теорий на Западе все чаще признают, что Маркс понимал существо товарно-денежной рационализации капиталистического хозяйства глубже, нежели сторонники всевозможных "равновесных" конструкций. Именно ресурсное пространство, а не потребности становятся главным объектом рационализации в обществе западного типа, именно на этом пространстве разворачивается капитализм в его классической фазе.

Конечно, современный капитализм немислим без институтов, обеспечивающих рационализацию пространства проблем. Это, прежде всего политическая сфера, "рынок целей и программ" (Й.Шумпетер [7]). Далее, это корпорации - "планирующие системы" (Дж.Гэлбрейт[8]), это и всевозможные ассоциации по интересам и прочее и прочее. Но вряд ли кто-то будет оспаривать утверждение, что в системе западных институтов названные сферы играют хоть и чрезвычайно важную, но вспомогательную, компенсаторную роль. Роль "надстройки", по выражению Маркса.

Как дальше структурируется пространство ресурсов хорошо известно. С появлением всеобщего товарного эквивалента - денег и с развертыванием меновых институтов обращение ресурсов, "обмен веществ" в теле общества становится всеобщим. Все естественные и традиционные преграды на пути перетекания ресурсов в места их рациональной трансформации преодолеваются. Ресурсы текут по своим "напрямейшим" траекториям при минимальном искривляющем воздействии фиксированных проблемных ограничений.

V. Договор

Разумеется, эффективная стыковка множества ресурсов с множеством проблем, а значит, и сама жизнь общества не могли бы состояться, если бы наряду с движением (обращением) ресурсов не происходило более или менее энергичное движение проблем.

Проблемы переходят от одного индивида к другому в акте Договора.

Юрист, разумеется, с этим не согласится, для него договор – не более чем правовая оболочка обмена. Ему, однако, можно было бы напомнить трактовку этого понятия в классических работах Дюркгейма [9], основоположника западной социологии. Он представлял договор не как «символ обмена», а как объемлющий, несущий акт общественной интеграции («положительной солидарности»), предваряющий обмен и содержащий его в себе в качестве лишь момента (момента перехода продуктов из рук в руки в соответствии с договором).

Во всяком случае, есть основания считать, что договор – это полноценный самостоятельный акт, способный выполнять (и выполняющий) базисные функции в структуре определенного типа обществ.

Рассмотрим собственную внутреннюю пружину договора. В отличие от обмена, внутренней пружиной которого является обоюдное стремление завладеть ресурсом другого, в договоре действует обоюдное стремление избавиться от своих проблем, переложив их на другого. Если мне с имеющимися у меня ресурсами сподручнее взять на себя проблему соседа, чем решать свою, и если сосед думает точно также, то в результате нашего договора я принимаю к исполнению его проблему (она входит в состав моего долга), а он – мою. Количественным моментом в договоре является договорная пропорция – какой объем чужих проблем (объем заказа) я соглашаюсь взять на себя в ответ на согласие принять к исполнению мой заказ. Так соизмеряются проблемы.

Резонный вопрос – по какому основанию осуществляется это соизмерение? Простой ответ – по соотношению затрат, с которыми сопряжено выполнение соизмеряемых заказов. Этот ответ неверен. Это ловушка, аналогичная той, в которую, как мы видели, попадают экономисты, предпочитающие считать, что в основании меновых пропорций лежат не затраты (общественно нормальные затраты ресурсов на производство обмениваемых товаров), а потребности обменивающихся. Оба эти ответа столь же просты, сколь неверны. Как в рациональном обмене соизмеряются не потребности, так в рациональном договоре соизмеряются не затраты.

Представления о затратах и о материальных возможностях договаривающихся сторон играют в акте договора лишь роль фиксированного ограничения, а не целевого критерия. В единичном договоре эта асимметрия начал еще не проявлена, но в развитом договорном процессе индивид, принимая на себя проблему (заказ), думает прежде всего не о предстоящих затратах, а об общественной значимости проблемы, о том статусе, который он приобретает в качестве подрядчика по ней. И о том, как использовать этот статус. Это уже относится к теме Власти, на которой мы остановимся ниже.

Как меновая пропорция выявляет Стоимость товаров, так договорная пропорция выявляет общественно нормальную значимость проблем, их Ценность.⁴

⁴ Вопрос, насколько законно и уместно использование здесь этого термина, пока оставим открытым. Заметим только, что известные иррациональные (в хорошем смысле) трактовки этого понятия, отсылающие к традиционно-аффективной "солидарности", к религиозно-культурным архетипам, вообще к культурному ядру общества могут не без пользы сосуществовать с рациональной трактовкой. Это сосуществование наблюдается и в жизни – рациональные, институализированные "порядки", экономические и политические, "просвечивают" культурное ядро, проясняют и универсализируют его. Культурное ядро приобретает при этом цивилизационно-игровое "расширение", что придает культуре новое качество, качество цивилизации. Резонно предположить, что тип такой цивилизационной оболочки должен так или иначе соответствовать типу культурного ядра. Если, скажем, в истории данной культуры доминировали проблемно-

VI. Власть

Если простой, "двухместный" договор не может состояться, то появляется необходимость в многоместных договорных цепочках и, в конечном счете, в появлении какого-то аналога (договорных) «денег». Практически, из числа проблем выделяется некая повсеместно актуальная проблема, на которую каждый может всегда подрядиться в качестве платы за собственный заказ.

Исторически одним из наиболее вероятных претендентов на эту роль является проблема безопасности. Я берусь защищать твоё жизненное пространство, пока ты решаешь проблему моего, скажем, пропитания. И эту мою воинскую услугу ты можешь при необходимости переадресовать кому-то третьему, размещая у того свой заказ. Накопление в чьих-то руках таких воинских обязательств дает ему возможность размещать соответствующие объёмы своих проблем.

Это "обобщенное право мобилизации чужих обязательств" (Парсонс) есть ни что иное, как Власть. Идея о том, что власть играет в политической сфере роль, аналогичную той, которую выполняют деньги в сфере экономической, принадлежит Т. Парсонсу [10].

Если этот так, то, продолжая аналогию с деньгами, теоретически следовало бы допустить и то, что совершенствование институтов обращения власти в пределе должны приводить к появлению символического всеобщего эквивалента, счетного, ликвидного, имеющего свободное хождение, которым рассчитываются заказчики с подрядчиками в процессе договора. Я, заказчик, взваливая свою проблему на подрядчика, одновременно делегирую ему определенную сумму власти, сколько именно - обсуждается в акте договора. Я обрел эту власть, будучи сам подрядчиком, получившим некие значимые заказы. И мой подрядчик будет, в свою очередь, размещать свои заказы, делясь полученной от меня властью. Так развитые властные отношения нормируют пространство проблем, создают условия для устойчивого и универсального договорного процесса, настраивают общество на решение проблем. Не в этих ли процессах заключается суть и действительный масштаб так называемой «новой экономики»?

Современные институты власти мало кого сегодня удовлетворяют, на них лежит печать архаики, власть все еще не вышла из "коридоров" и "этажей" должностных иерархий. Впрочем, по некоторым признакам, бюрократические, публичные, вертикальные формы власти сегодня все больше уступают место горизонтальным, гражданским формам. Все более заметную роль в хозяйственной жизни начинают играть контрактные отношения. Речь, по существу, идет о становлении властно-договорной сферы в структуре современного хозяйства.

Похоже, Запад - не лучший полигон для отработки такого рода институтов. Там во все времена приоритетно разворачивалась товарно-денежная меновая система; собственники откупались от власти налогами и загоняли ее в контролируемые резервации - в политико-бюрократические институты, в корпорации, в семьи и кланы. И это закономерно, ведь именно такая историческая задержка, торможение развития властной сферы и есть необходимое условие устойчивого поступательного движения западной цивилизации.

А вот почему советская плановая, то есть по существу договорная, то есть властная, а не денежная, экономика не сумела выработать институты своего гражданского расширения, не сумела модернизировать традиционные институты планового управления? Это вопрос слишком обширный и уже, пожалуй, исторический. А вот упорный кризис неплатежей 1993-1998 г.г. достоин в этом смысле внимания теоретиков хозяйства. Помнится, он не только посеял изрядную панику в рядах отечественных реформаторов и

договорные, а не меновые отношения, то и культурное ядро, по всей вероятности, воспримет соответствующую ориентацию, и в дальнейшем будет предрасположено к соответствующим институтам, а меновую игру будет отторгать. Можно даже рискнуть предположить, что в отличие от западной культуры, которая формировалась в условиях ресурсной стесненности, северо-восточная, русская культура, наоборот, складывалась без явных ресурсных ограничений, но в суровой проблемной обстановке, предписывающей договорной тип коммуникаций. Впрочем, взаимодействие культурного ядра и его цивилизационного расширения - это отдельная тема.

обескуражил видных идеологов «переходной экономики» (вспомним признание Я.Корнаи [11]), но и спровоцировал теоретическую рефлексию вполне уважаемых западных школ.

И это неудивительно, ведь «кризис неплатежей» свидетельствовал о наличии значительных зон средоточия хозяйственной власти, не конвертируемой в деньги. Внутри этих зон, стихийно разворачивались альтернативные системы расчетов, которые не могли не приобретать черты договорных "денег", ибо только в этом качестве они не были бы немедленно высосаны из производства в банковско-денежную воронку. И долгое время было неясно, какие из двух «денег» («внутренние» или экспортно-сырьевые) в конечном счете возьмут верх.

VII. Право и мораль

Пространство ресурсов расчерчено на зоны собственности. Каждая зона собственности испытывает давление со стороны соседей, желающих расширить свою зону за счет соседской необменным (неэквивалентным) путем. Следовательно, общество должно выработать механизм нормального разрешения подобных споров, подкрепив эти нормы санкциями. Так появляется Право.

Обычно рассмотрение права начинают с раздела, именуемого абстрактным правом. Нормы этого раздела обеспечивают защиту собственности всех и каждого независимо от их проблем и намерений. Этот «священный принцип собственности», абстрактный принцип «отрицательной свободы» лежит в основе права, но не исчерпывает весь его объем.

В других его разделах начинает отдаленно звучать голос проблем, нормализованный "принцип справедливости". По этим нормам, например, может быть оправдана мать-одиночка, которая покусилась на частную собственность, чтобы накормить голодных детей. Но такие исключения из священного принципа собственности предусмотрены лишь в отношении считанных видов предельных проблемных ситуаций. Основные же объемы проблемных напряжений, "иррациональных", то есть представляющих угрозу богатству общества, стараются отвести в публичную сферу и решать их скопом, через государственные программы поддержки и т.п.

Правда, государственно-политические структуры справляются с этой задачей, как показывает опыт, малоудовлетворительно. Кроме того, это сопряжено с нежелательным усилением позиций политиков в отношении налогоплательщиков. "Мы должны стремиться не политизировать мораль, а сделать моральной политику" советует К.Поппер[12]. Поэтому в развитых странах Запада в последнее время усиливается диффузия проблемных давлений на суды через всевозможные ассоциации по интересам, выступающие концентраторами и усилителями таких давлений. Значит, у западных правоведов и институалистов возникает новая забота: как не допустить чрезмерного, застойного сосредоточения власти в такого рода корпорациях и ассоциациях.

Итак, мы рассмотрели - чисто структурно - весь корпус гражданских правовых норм. Он, как мы видим, базируется на абстрактном принципе собственности, но содержит кроме него устройство, нормирующее процесс диффузии иррациональных с точки зрения этого принципа моральных требований.

Картина, двойственно-сопряженная с этой, вырисовывается и для проблемной сферы.

Проблемная сфера, как мы видели, расчерчена на зоны долга. Проблемы перемещаются из зоны в зону в актах договора. Но дальше аналогия с ресурсной сферой, казалось бы, перестает работать. Трудность в том, что в отличие от объема ресурсов объем проблем, как всем известно, не ограничен. Потребности, говорят экономисты хором, сами по себе безграничны: мало ли, что может пожелать человек. Из этого следует вывод - потребности в принципе иррациональны и ненормируемы.

Этот вывод стал в свое время камнем преткновения и для советской экономической школы, поскольку, сказавши это, приходилось в конечном счете признать, что человек вообще осознает потребности, только когда видит перед собой соответствующий товар, и поэтому рациональные потребности - это те, которые соответствуют наличному предложению товаров и возможностям твоего кошелька. И тогда уж, конечно, единственно мыслимая рационализация хозяйственной жизни - это рационализация денежно-правовая.

Тем, кто так думает, упорно не приходит в голову простая мысль, что объем проблем тоже ограничен, но ограничен, как говорят математики, "снизу". А именно, в безграничном множестве проблем, которые недурно было бы решить, есть ограниченное подмножество проблем, которые нельзя не (!) решать. Вокруг именно этого подмножества идут - и весьма энергично - все "разборки". Проблемы из этого подмножества люди стараются переложить друг на друга и тем самым сократить зону своего долга за счет соседа.

Рационализация этого - договорного - процесса обеспечивается, как мы видели, институтами движения власти. Но теперь осталось оградить этот процесс от соблазна пренебречь своим долгом, просто не выполнить взятые на себя по договору обязательства. Нормировать эти соблазны и призвана Мораль.

Можно сколько угодно иронизировать по поводу извечного пристрастия начальства сочинять "моральные кодексы" - оно заслуживает насмешки, но в данном случае к делу не относится. Гораздо больше относящегося к делу можно обнаружить среди норм так называемого "социалистического права". Советское социалистическое право таило в себе тенденцию выработать Кодекс Гражданских Обязанностей, альтернативный Кодексу Гражданских Прав. Правоведы предпочитают считать, что это тавтология. Обязанности, говорят они, суть обратная сторона права, каждое право предполагает чью-то обязанность, и наоборот. Но "обратная сторона" целостной системы, как мы уже не раз убеждались, не просто тень лицевой стороны, у нее свои внутренние пружины, свои принципы построения и т.д.

Итак, мы попытались наметить некий расширенный вариант понятийного пространства теории хозяйства, последовательно реализуя при этом принцип двойственности, который, по нашим представлениям, лежит в основе всех целостных систем.

Перед нами выстроилась следующая картина:

- определены не сводимые друг к другу пространство проблем и пространство ресурсов;
- пространство проблем расчерчено на зоны долга, а пространство ресурсов - на зоны собственности;
- движение ресурсов организуется меновым процессом, нормализуется обращением денег и поддерживается правом;
- движение проблем осуществляется в договорном режиме и нормализуется обращением власти и поддерживается моралью.

Кому-то такое расширение понятийного пространства покажется избыточным и умозрительным. Но кто знает, как будет развиваться проблемная ситуация в России и в мире уже в ближайшую пару десятилетий. И кто знает, какие новые технические и организационные возможности будет открывать перед нами информатизация общества. В условиях такой неопределенности любые теоретические шоры, даже самые апробированные и респектабельные, могут закрыть новые горизонты.

Литература

1. Луман Н. Общество как социальная система// Пер. с нем. Изд-во «Логос», 2004.

2. Spenser – Brown G. Laws of Form// Cognizer Co. (Portland, Ore). Limited Edition.1994.
3. Foundations of behavioral and experimental economics: Danial Kahneman and Vernon Smith// The Royal Swedish Academy of Science. Website: www.kva.se.
4. Канторович Л.В. Математические методы организации и планирования производства// Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1959.
5. Попков В.В, Шипицын Е.В. Двойственность и единство видимых и «невидимых» переменных в механике Генриха Герца и диакопике Габриэля Крона. // Вестник Международного Института А. Богданова №18 (№2, 2004).
6. Weber M. The theory of social and economic organization. N-Y. 1947.
7. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.1995.
8. Гэлбрэйт Дж. Экономические теории и цели общества. М. 1976.
9. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М. 1991
10. Парсонс Т. Система современных обществ. М. 1997
11. Корнаи Я. Трансформационный спад. // Вопросы экономики. 1994. N3
12. Поппер К. Открытое общество и его враги. М. 1992 .